

Глава III.

Эпоха переворота.

Революціонное броженіе въ обществѣ.

Коренной переворотъ, измѣнившій цѣликомъ весь соціально-политическій строй Японіи, совершился, конечно, не въ одинъ годъ, хотя его и принято называть переворотомъ 1868 г. Въ 1868 г. произошло лишь окончательное низложеніе шогуна, уже раньше потерявшаго дѣйствительное значеніе. Начало его нужно отнести къ тому времени, когда дайміосы стали впервые открыто проявлять неповиновеніе шогуну, а дворъ въ Кіото явно выказалъ неодобреніе ему, — т.-е. къ концу пятидесятихъ годовъ. Окончаніе же его произошло лишь въ 1889 году, когда утвержденіемъ конституціи былъ завершенъ новый государственный строй Японіи. Интересно, что первый періодъ, имѣвшій цѣлью реставрацію законнаго микадо, былъ наполненъ кровопролитіемъ, носилъ

революціонный характеръ; второй же, заключавшійся въ измѣненіи всѣхъ основъ государственнаго строя, протекалъ, въ общемъ, совершенно мирно. Въ первомъ періодѣ во главѣ движенія стояли крупные дайміосы, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи организованныя силы; во второмъ они постепенно отступаютъ на второй планъ, руководство же движеніемъ переходитъ въ руки самураевъ, не игравшихъ первое время никакой самостоятельной роли.

Что же касается подготовительнаго періода, то его надо отнести, конечно, къ гораздо болѣе раннему времени. Глухое недовольство существующимъ строемъ стало зарождаться, какъ мы видѣли, еще въ эпоху расцвѣта абсолютизма. Постепенно, вмѣстѣ съ внутреннимъ разложеніемъ абсолютизма, оно все росло и крѣпло, и, наконецъ, ко второй половинѣ XVIII вѣка, вылилось въ настоящее революціонное броженіе, охватившее все высшее сословіе и съ минуты на минуту грозившее принять форму возстанія.

Еще съ начала XVII вѣка среди высшаго сословія Японіи, въ особенности же среди самураевъ, стали широко развиваться занятія разными отраслями науки и литературой. Отчасти благодаря стараніямъ правительства, отчасти благодаря тому, что въ средніе вѣка Японія сильно отстала въ умственномъ отношеніи отъ Китая, первоначально вся ея научная дѣятельность развивалась, какъ мы уже говорили, подъ сильнымъ вліяніемъ китайщины.

Научныя сочиненія писались на китайскомъ языкѣ, литература заимствовала образцы изъ Китая, а философскія ученія цѣликомъ переносились съ азиатскаго материка. Въ философіи вліяніе Китая продолжало безраздѣльно царить до самаго момента реставраціи, но въ другихъ областяхъ противъ него довольно скоро началась оппозиція, постепенно приобрѣтавшая все болѣе широкое вліяніе.

Зародышъ этой оппозиціи былъ положенъ внимательнымъ изученіемъ родной исторіи, начатымъ еще при жизни Іеязу.

Мы уже упоминали выше о громадномъ историческомъ трудѣ, предпринятомъ по инициативѣ дайміюса провинціи Мито еще въ началѣ XVII вѣка, и доведенномъ до конца только къ первымъ годамъ XVIII. Эта капитальная историческая работа, имѣющая общее названіе Даи-Нихонъ-Ши, и составлявшаяся въ теченіе цѣлаго вѣка самыми свѣдущими людьми страны, легла въ основу всѣхъ послѣдующихъ историческихъ сочиненій. Имѣя передъ собой добросовѣстный сводъ историческихъ фактовъ, послѣдующіе историки могли уже болѣе подробно характеризовать отдѣльныя эпохи или разрабатывать общую прагматическую исторію страны.

Первый опытъ подобной работы далъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ начала XVIII вѣка, Хакусеки. Онъ впервые попытался очертить исторію внутренняго развитія страны за 2000 лѣтъ, причемъ онъ особенно внимательно останавливался на

моментахъ внутреннихъ кризисовъ и революціонныхъ переворотовъ. Хакусеки работалъ не только въ области исторіи. У него есть также географическія, экономическія и финансовыя работы. Изъ послѣднихъ наиболѣе извѣстны сочиненія „О принципахъ финансовъ“ и „О денежномъ обращеніи“. Общее количество его трудовъ доходить до 300 и даже болѣе.

Хакусеки пользовался большою славой среди своихъ современниковъ. Одно время шогунъ Іенобу призывалъ его даже ко двору, и Хакусеки числился чѣмъ-то вродѣ придворнаго исторіографа. По порученію Іенобу онъ написалъ исторію дайміосовъ съ 1600 по 1680 г. Но со смертію Іенобу окончилась и сыпавшаяся на историка милости. Правительство оказалось недовольно его работами, и послѣдніе годы своей жизни Хакусеки провелъ въ изгнаніи. Умеръ онъ въ 1715 г.

Первые историческіе труды писались еще обыкновенно на китайскомъ языкѣ, но постепенно авторы, изучавшіе древніе памятники, написанные, конечно, по-японски, стали и сами употреблять родной языкъ. Вмѣстѣ съ этимъ изученіе родной старины пробуждало въ нихъ и національную гордость, вызывало стремленіе избавиться отъ чужеземнаго вліянія и стать на свои ноги въ умственномъ отношеніи. Мало-по-малу изъ этого выросло широкое націоналистическое теченіе, поставившее своимъ лозунгомъ борьбу съ китайщиной во всѣхъ ея проявленіяхъ и пропаганду родного языка, род-

ной религіи—Шинто, и родной науки. Позднѣе къ этому присоединился и націонализмъ въ политикѣ.

Родоначальникомъ этого націоналистическаго движенія считается Кеитчіу, самурай по происхожденію, ушедшій въ ранней молодости въ монастырь, чтобы всецѣло посвятить себя научнымъ занятіямъ. Всю свою жизнь онъ занимался собираніемъ памятниковъ древней письменности. Онъ написалъ нѣсколько трудовъ по изученію древней японской литературы, не потерявшихъ значенія и до послѣдняго времени. Кромѣ того, онъ и самъ былъ поэтомъ, слагая стихи въ духѣ народной поэзіи. Умеръ Кеитчіу въ 1701 г., оставивъ по себѣ цѣлую школу своихъ учениковъ, продолжавшихъ работать въ томъ же направленіи и передававшихъ его завѣты.

Самымъ знаменитымъ изъ его дальнѣйшихъ послѣдователей былъ Мотоори Норинага, родившійся въ 1730 г. Онъ тоже происходилъ изъ самураевъ. Съ дѣтства его предназначали къ медицинской карьерѣ, но его влекло въ другую сторону. Онъ рано натолкнулся на труды Кеитчіу и съ тѣхъ поръ занятія родной исторіей и родной литературой заслонили для него все. Всю свою жизнь онъ работалъ въ этой области и издалъ болѣе 100 томовъ своихъ сочиненій. Наибольшее значеніе изъ нихъ имѣетъ разборъ древнѣйшей японской лѣтописи „Койики“. Кромѣ цѣлаго ряда трудовъ по древней японской исторіи, литературѣ и по изученію самаго языка, онъ написалъ еще нѣсколько полемическихъ

трактатовъ противъ китайщины, — китайскаго языка и китайской литературы.

Увлекаясь изслѣдованьями въ области родной литературы, Мотоори и самъ отдалъ дань поэзіи. Ему принадлежитъ извѣстное четверостишіе — сжатая поэтическая характеристика Японіи:

„Если спросятъ тебя,
Гдѣ душа острова Ямато —
То цвѣтокъ вишни на склонахъ горъ,
Изливающій свой аромать на зарѣ“.

Моотори, первый изъ ученыхъ націоналистовъ, ввелъ въ свои историческіе труды элементъ политики и коснулся современнаго положенія вещей. Одно его сочиненіе, „Тама Кусиге“, посвящено специально выясненію причинъ тяжелаго положенія его родины. Онъ описываетъ въ немъ бѣдствія земледѣльческаго населенія и выражаетъ глубокое сочувствіе къ нему. Онъ считаетъ, что аграрные бунты, начавшіеся уже въ ту эпоху, вполне понятны и служатъ скорѣ обвиненіемъ противъ дайміосовъ и правительственныхъ чиновниковъ, чѣмъ противъ голодающаго и невѣжественнаго населенія. Но онъ еще не доходитъ до мысли о коренномъ переустройствѣ всего государственнаго строя. По его мнѣнію, главное зло происходитъ отъ обилія чиновниковъ и отъ ихъ злоупотребленій. Поэтому надо скорѣ приступить къ реформамъ, клонящимся къ уменьшенію количества и улучшенію качества чиновниковъ.

Несмотря на такую умѣренность его полити-

ческих чайнѣй, правительство шогуна, всегда очень внимательное къ малѣйшимъ проявленіямъ неудовольствія со стороны подданныхъ, обратило вниманіе на литературную дѣятельность Мотоори. Въ 1778 г. одно изъ его сочиненій было запрещено. Съ этого момента правительство, раньше всячески покровительствовавшее наукѣ и литературѣ, начинаетъ относиться и къ той и къ другой подозрительно. До тѣхъ поръ оно видѣло въ нихъ скорѣе отвлеченіе отъ опасныхъ воинственныхъ склонностей феодальнаго дворянства, пріятное времяпрепровожденіе въ часы досуга, а иногда и полезное занятіе, изъ котораго при случаѣ правительство можетъ извлечь для себя выгоду. Теперь оно почувствовало тутъ какую-то новую силу, не поддающуюся его власти, ускользающую отъ всѣхъ его полицейскихъ скорпіоновъ. Но примириться съ этимъ оно, конечно, не могло. И вотъ въ Японіи начинается эра цензурнаго гнета и политическихъ преслѣдованій, падающая только вмѣстѣ съ режимомъ.

Историческія сочиненія, цѣлыя философскія системы, несогласныя съ видами правительства, запрещаются или уничтожаются. Авторы ихъ высылаются въ отдаленныя провинціи, лишаются права печатать что бы то ни было, заключаются въ тюрьмы. Еще въ концѣ XVIII вѣка шогунъ Іенари запретилъ распространеніе всѣхъ философскихъ теорій, противорѣчившихъ принятому въ Японіи конфуціанскому ученію, Чу-хи или Чузи. Конфуціанизмъ въ изложеніи Чу-хи освящалъ существующій

строй, слѣдовательно, всякое колебаніе его авторитета, всякое сомнѣніе въ его неопровержимости должно быть признано опаснымъ. Между прочимъ, подверглась запрещенію идеалистическая философія Уангъ-янгъ-мина, стремившагося поднять значеніе личности.

Такой же строгой цензурѣ подвергались и историческія сочиненія, изъ которыхъ многія такъ и не увидѣли свѣта, но зато усердно распространялись въ рукописныхъ спискахъ. Конечно, преслѣдованіе правительства шогуна не только не прекратило распространеніе идей, которыя оно считало вредными, но, наоборотъ, еще усилило ихъ.

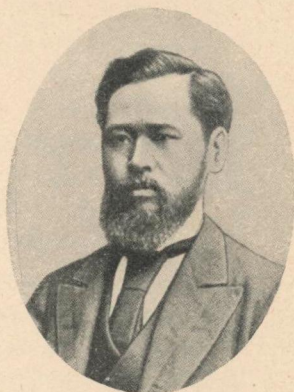
Прежде историческія сочиненія казались опасными только своимъ націонализмомъ, своей борьбой съ китайщиною въ области науки и литературы, теперь они объявили борьбу существующему строю, самому правительству. Тотъ гнетъ правительства, который просвѣщенные люди замѣчали и прежде, теперь они ощутили на самихъ себѣ, а это, конечно, придадо остроту ихъ настроенію. Они теперь не только понимали, но и чувствовали все зло современнаго строя. Они обращались къ прошлому, къ исторіи уже съ новыми запросами. Они искали тамъ иного, болѣе справедливаго, менѣе угнетающаго строя, и имъ казалось, что они находили его. Смягченное временемъ прошлое всегда имѣетъ нѣчто притягательное. А тутъ въ этомъ прошломъ они находили черты рѣзко противоположныя ненавистному настоящему и уже по этому одному симпа-

тичныя имъ. Особенно привлекательнымъ казался для нихъ древнѣйшій періодъ японской исторіи и больше всего эпоха реформъ таиква, а также предшествовавшій ей родовой укладъ. Весь соціально-экономическій строй того времени казался имъ основаннымъ на началахъ равенства и справедливости. Не было богатыхъ и бѣдныхъ, всѣ имѣли одинаковую долю въ эксплуатаціи главнаго богатства страны — земли; частной собственности на землю не существовало совсѣмъ и даже владѣніе ею было общиннымъ. Всѣ были равны между собой и передъ отеческой властью микадо. Теперь все измѣнилось. Глубокая соціальная рознь расколола общество на паріевъ и привилегированныхъ, а во главѣ всталъ деспотическій произволъ шогуна. Точно такъ же, какъ и дайміосы, они не отдавали себѣ яснаго отчета, что шогуны угнетали страну и ихъ, не какъ шогуны изъ рода Токугавы, а какъ представитель деспотическаго абсолютизма вообще, и что если бы та же самая власть находилась непосредственно въ рукахъ микадо, то дѣло обстояло бы не лучше. Они видѣли, что страшное усиленіе центральной власти началось со времени водворенія Токугавы, и свою ненависть къ депотизму вообще переносили на шогуновъ. По отношенію къ данному моменту они были правы, такъ какъ вся власть, дѣйствительно, олицетворялась шогуномъ, въ будущемъ же время научило ихъ расширить свои идеалы.

Въ противовѣсъ ненавистному и такому реальному шогуну они выдвигали далекаго идилическаго

Фукузава.

Виконтъ Мори.

Японія.

Окубо.

Кидо.

микадо, который нѣкогда какъ отецъ правилъ своимъ народомъ, всѣмъ доступный и всегда справедливый. Въ лицѣ микадо они олицетворяли иной, лучший, болѣе справедливый въ экономической области и болѣе свободный въ политическомъ отношеніи строй. И они страстно мечтали о низложеніи шогуна и воцареніи вновь микадо. Въ этомъ пунктѣ націоналисты-романтики встрѣтились съ дайміосами и нѣкоторое время пошли съ ними рука объ руку, иногда увлекая нѣкоторыхъ изъ нихъ за собой, а иногда допуская ради нихъ нѣкоторые компромиссы. И тѣмъ, и другимъ ненавистенъ былъ шогунъ, и тѣ, и другіе мечтали о возстановленіи микадо. Конечно, и причины ихъ ненависти, и цѣли возстановленія правъ микадо были у нихъ совершенно разныя, но до поры до времени пути ихъ сходились, а тамъ время показало, за кѣмъ долженъ былъ остаться перевѣсъ.

Для правительства обѣ группы — и идеалисты-романтики, и реакціонные дайміосы — были одинаково опасны. Но съ могущественными дайміосами было, конечно, труднѣе бороться, чѣмъ съ самураями, будь они писатели, ученые или просто политическіе заговорщики. Съ 20-хъ годовъ XIX вѣка число политическихъ процессовъ и цензурныхъ изъятій особенно увеличивается. Въ 1836 г. подвергается запрещенію историческое сочиненіе извѣстнаго японскаго ученаго Хираты, въ которомъ онъ доказывалъ, что шогуны не болѣе, какъ узурпаторы, незаконно захватившіе власть, и что истинные мо-

нархи Японіи — микадо должны быть возстановлены въ своихъ правахъ. Въ 1841 г. самъ Хирата былъ высланъ въ свою родную провинцію Дева, и ему было запрещено печатать что бы то ни было. Въ 1843 г. одинъ изъ рода дайміосовъ провинціи Мито, Наріаки былъ арестованъ по подозрѣнію въ противоправительственной агитаціи и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ до 1853 г. Но эти мѣры ни къ чему не приводили. Въ томъ же 1836 г., когда было запрещено сочиненіе Хираты, появилась работа Раи Саніо „Нихонъ Гуанси“, посвященная спеціально исторіи шогунувъ, начиная съ XII вѣка и доказывающая, что они были не болѣе какъ узурпаторы. Сочиненіе это имѣло громадный успѣхъ и распространялось въ сотняхъ списковъ. Шогуны были совершенно безсильны въ борьбѣ съ революционными идеями. Несмотря на строгія кары, запрещенныя сочиненія переписывались и читались съ еще большимъ увлеченіемъ, и движеніе росло, ломая всѣ преграды. Особенно сильно было оно въ южныхъ провинціяхъ.

Молодежь, та самая молодежь, изъ которой въ послѣдствіи вышли главные дѣятели переворота, теперь училась, волновалась текущими событіями и строила смѣлые планы. Возникли кружки, невольно приводящіе на память наши кружки сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Одинъ изъ такихъ кружковъ описываетъ біографъ едва ли не самаго замѣчательнаго дѣятеля переворота 1868 г. — Окубо.

Окубо Тосимисти происходилъ изъ самураевъ провинці Мито. Съ дѣтства онъ отличался большими дарованіями, крайней любознательностью и замѣчательной твердостью и прямою характера. На своихъ товарищей онъ всегда оказывалъ огромное вліяніе. Въ ранней молодости вокругъ него образовался кружокъ друзей, съ нѣкоторыми изъ которыхъ онъ вмѣстѣ выступилъ въ послѣдствіи на арену общественной дѣятельности. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ Нагунама Кахе, Каіедо Набунози и Саиго Такамори. Съ послѣднимъ Окубо съ дѣтства связывала особенно тѣсная дружба. Рука объ руку вступили они на путь политической борьбы, но въ послѣдствіи жизнь далеко развела ихъ, они стали непримиримыми политическими противниками. Но въ сороковые годы ни малѣйшаго диссонанса не звучало еще въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ. „Они имѣли обыкновеніе по вечерамъ собираться у одного изъ друзей. За чаемъ велись безконечные разговоры, иногда читали. Давались торжественныя обѣщанія никогда не забывать этихъ собраний. Друзья изучали сначала Чузи, но скоро Окубо увлекъ ихъ перейти къ Ито Мосмону, излагавшему философію Уангъ-Янгъ-Мина. Чузи — рабъ традиціи, сторонникъ объективной реальности — не привлекъ ихъ; но теоріи Уангъ-Янгъ-Мина, идеалиста съ оттѣнкомъ стоицизма, воодушевляли ихъ. Большое значеніе, придаваемое совершенствованію своего „я“ и воспитанію воли, приводило въ восторгъ юношей, мечтавшихъ о великихъ подвигахъ. Въ

это время учение Уангъ-Янгъ-Мина было запрещено правительствомъ, какъ еретическое. Это придавало собраніямъ аромать конспиранціи. Конечно, во время этихъ собраній обсуждались событія дня. Скоро политика властно вторглась въ ихъ жизнь и разсѣяла ихъ золотыя мечты и безкорыстные планы¹.

Если исключить отсюда чуждые звуки китайскихъ и японскихъ именъ, то не прозвучить ли этотъ отрывокъ чѣмъ-то знакомымъ, не встанутъ ли въ памяти кружки Бѣлинскаго, Станкевича, не пахнетъ ли настроеніемъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ у насъ? И эта аналогія не ограничивается однимъ настроеніемъ передовой молодежи. Въ самыхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ у насъ реформы шестидесятихъ годовъ, а въ Японіи переворотъ 68 г., было много общаго, несмотря на значительныя мѣстныя различія. Точно такъ же, какъ и Россія, Японія переживала трудный экономическій моментъ. Положеніе земледѣльческаго населенія и тутъ, и тамъ было крайне тяжело; государственные финансы — плохи. И въ обоихъ случаяхъ главной причиной этого служилъ крѣпостническій гнетъ. Наконецъ, и внѣшній толчокъ, ускорившій наступленіе эпохи реформъ въ обоихъ случаяхъ былъ аналогиченъ. У насъ — крымская кампанія, тамъ — опасеніе разгрома со стороны европейцевъ. Лучшие люди среди образованной японской молодежи такъ же, какъ и у насъ, глубоко чувствовали всю тяжесть переживаемаго момента и

¹) M. Gourant. „Okoubou“, Paris, 1904 г., стр. 45. Изъ сепи „Ministres et hommes d'état“.

ясно понимали, въ какомъ направленіи искать выхода. Но въ странѣ они нашли мало сознательныхъ элементовъ, на которые они могли бы опереться въ достиженіи своихъ плановъ. Естественнымъ образомъ, они обращались къ правительству для проведенія необходимыхъ и неотложныхъ реформъ. И въ этомъ отношеніи создалось положеніе во многомъ аналогичное съ нашимъ. Передовая интеллигенція шла рука объ руку съ правительствомъ. Только дальнѣйшій ходъ движенія принялъ тамъ иной оборотъ, чѣмъ у насъ.

До сихъ поръ, характеризуя начавшееся въ странѣ революціонное броженіе, мы останавливались исключительно на роли высшихъ классовъ. Само собой понятно, что сознательное отношеніе къ переживаемому моменту было больше распространено въ ихъ средѣ, какъ въ средѣ болѣе культурной и образованной. Но реальное положеніе рабочей массы было безъ всякаго сомнѣнія еще неизмѣримо тяжелѣе. И экономическія, и политическія неурядицы, переживаемыя страной, въ послѣднемъ итогѣ всегда ложились на него. Податной гнетъ почти цѣликомъ перекладывался на него, и политическое безправіе самымъ ощутительнымъ образомъ испытывалось имъ. Но самая громадность этого двоякаго гнета лишала его возможности отдать себѣ отчетъ въ его причинахъ, подавляла его сознаніе. Въ массѣ оно отвѣчало только глухимъ ропотомъ и отдѣльными стихійными возмущеніями, не объединенными общей сознательной цѣлью.

Борьба съ ними для правительства вслѣдствіе этого была не особенно затруднительна. Но все это справедливо только въ отношеніи всей массы крестьянскаго населенія. Мы не должны забывать, что при всей угнетенности и подавленности народа въ Японіи онъ уже давно вышелъ изъ первобытной варварской стадіи культуры. Еще въ началѣ XIX в. Головинъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что „если вообще взять народъ, то японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели нижній классъ людей въ Европѣ“ и даже находилъ, что японцы въ массѣ „самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной“. Просвѣщеніе здѣсь надо, конечно, понимать въ самомъ примитивномъ смыслѣ. Но даже простая грамотность высоко поднимаетъ людей надъ полуживотными, съ которыми можно безнаказанно совершать все, что угодно. Правительство это прекрасно сознавало. И поэтому даже незначительные признаки сознанія среди крестьянской массы пугали его больше, чѣмъ совершенно стихійные бунты, легко поддающіеся усмирению силою. Мы не рѣшились бы утверждать, что подобныя проявленія сознательнаго недовольства и открытое требованіе справедливости со стороны крестьянъ были особенно частымъ явленіемъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ Японіи. Но во всякомъ случаѣ они бывали, и уже это одно имѣетъ громадное значеніе. Мы приведемъ только одинъ документъ, доказывающій, что, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, кре-

стьяне ясно понимали всю серьезность положенія, переживаемаго страной и, съ своей стороны, указывали выходъ.

Въ 1850 году старшина деревни Огуши послалъ шогуну отъ имени своихъ односельчанъ петицію объ уменьшеніи произвола и гнета, становящагося невыносимымъ и грозящаго, по ихъ мнѣнію, серьезными послѣдствіями для всего народа. Петиція начинается съ характеристики высшихъ классовъ населенія, въ особенности чиновниковъ и военныхъ. „Безполезно, — говоритъ авторъ, — издавать распоряженія, требующія отъ крестьянъ и другихъ гражданъ бережливости и трудолюбія, когда стоящія у власти лица, долгъ которыхъ показывать народу хорошій примѣръ—сами погрязли въ роскоши и праздности“. Далѣе онъ переходитъ къ самому правительству и упрекаетъ шогунъ въ такой же расточительности и тратѣ народныхъ средствъ на бесполезныя сооруженія. „Согласно ли это съ намѣреніями славнаго основателя вашей династіи? Посмотрите на алтари въ Изе и иныхъ мѣстахъ и на императорскія гробницы послѣдующихъ вѣковъ. Употреблялись ли золото и серебро для украшенія ихъ?“ Обращаясь затѣмъ къ вассаламъ шогуна, онъ обвиняетъ ихъ въ тираниі, хищничествѣ и безнравственности. „Самураи одѣваются богато, — восклицаетъ онъ, — но какъ презрѣнны они кажутся въ глазахъ тѣхъ крестьянъ, которые знаютъ, какимъ путемъ добыто то, что они имѣютъ!“

Потомъ записка переходитъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ мѣръ правительства и находитъ ихъ крайне нецѣлесообразными. Опасаясь крестьянскихъ бунтовъ, правительство въ то время издало декретъ, запрещающій кому бы то ни было, кромѣ военныхъ, носить оружіе. Авторъ петиціи считаетъ это запрещеніе совершенно незаконнымъ и, кромѣ того, опаснымъ. „Можетъ быть, — пишетъ онъ, — декретъ изданъ въ предположеніи, что Японія неприступна по своему естественному положенію и защищена со всѣхъ сторонъ. Но когда она получить оскорбленіе отъ иностраннаго государства, то можетъ явиться необходимость созвать милицію. И кто знаетъ, что люди подобные Тоіотомі¹ не появятся опять среди представителей низшихъ классовъ?“ Всего черезъ пять лѣтъ это предположеніе начало сбываться, и правительству, быть можетъ, не разъ пришлось пожалѣть, что оно лишило себя поддержки народа. Волей-неволей ему оставалось только положиться исключительно на свои собственныя организованныя силы, а ихъ оказалось болѣе чѣмъ недостаточно.

Записка кончается слѣдующими знаменательными словами: „Если дворъ шогуна и военный классъ вообще будутъ настаивать на настоящемъ репрессивномъ образѣ дѣйствій правительства, то небо посѣтитъ эту страну еще болѣе великими бѣдствіями; и если этого не поймутъ во время, то

¹ Тоіотомі Хидейоши.

послѣдствіемъ можетъ быть возмущеніе гражданъ. Я поэтому умоляю, чтобы начертанія славнаго основателя династіи не забывались; чтобы простота и бережливость были руководящими началами для администраціи, и чтобы была объявлена общая амнистія, согласная съ волею небесъ и способная успокоить народъ. Если эти скромные совѣты мои будутъ исполнены, то угрожающее бѣдствіе разсѣется передъ свѣтомъ добродѣтели. Вопросъ о томъ, будетъ обезпечена или нѣтъ безопасность страны, разрѣшится въ зависимости отъ того, будетъ или нѣтъ администрація допускать произволь. Я прошу того, чтобы страна могла наслаждаться миромъ и спокойствіемъ и чтобы народъ могъ быть счастливъ и благоденствовать“¹.

Вмѣсто того, чтобы считаться съ подобными выраженіями искренняго мнѣнія, правительство всѣми силами старалось подавить ихъ проявленія. Попытки крестьянъ заявить о своихъ нуждахъ встрѣчались строгими карами, доходившими до смертной казни. Извѣстенъ фактъ, какъ одинъ деревенскій старшина пришелъ спеціально въ Іедо, чтобы просить шогунъ о защитѣ противъ произвола мѣстнаго даймюса. Но никто не отважился принять его просьбу и явиться посредникомъ между нимъ и правительствомъ. Тогда онъ рѣшился на отчаянный шагъ. Онъ подстерегъ на дорогѣ паланкинъ

правителя, бросился къ нему, остановилъ процессію и сунулъ въ руки шогуну бумагу. Подобный поступокъ считался величайшимъ преступленіемъ. Виножникъ былъ схваченъ и преданъ смертной казни.

Конечно, подобными приёмами трудно надѣяться искоренить недовольство и водворить порядокъ. Чѣмъ больше усиливалась правительственная репрессія, тѣмъ больше росло возбужденіе въ обществѣ, охватывая все болѣе широкіе круги.

Недалеко было исполненіе рокового для правительства предсказанья крестьянской петиціи. Достаточно было небольшого толчка, чтобъ превратить тлѣющія вездѣ искры и отдѣльныя вспышки въ одинъ общій пожаръ, охватившій всю страну. Въ этомъ пожарѣ суждено было погибнуть правительству шогуну, не сумѣвшему понять потребности народа. Но самая страна вышла изъ него обновленной, полной животворныхъ силъ.

2.

Вторженіе иностранцевъ и низложеніе шогуну.

Къ шестидесятымъ годамъ девятнадцатаго вѣка положеніе дѣлъ въ странѣ запуталось до послѣдней степени. Неурожаи слѣдовали за неурожаями, разоряя населеніе и истощая казну; крестьяне отвѣчали на нихъ бунтами. Даймюсы роптали и открыто ѣздили въ Кіото, пренебрегая запрещеніями шогуну. Люди всѣхъ сословій, не находившіе себѣ работы, бродили по странѣ и увеличивали смуту.

Правительство бросалось во всѣ стороны, въ безплодныхъ попыткахъ заткнуть то тѣ, то другія дыры. Въ 1841 г. оно попыталось было даже уничтожить гильдіи, чтобы дать выходъ безпокойнымъ элементамъ, не находившимъ себѣ мѣста, и понизить цѣны на продукты, достигшія невѣроятной высоты. Но эта мѣра такъ противорѣчила всему крѣпостническому строю общества и вызвала такой ропотъ среди крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ, что пришлось очень скоро отмѣнить ее. Для поправленія финансовъ оставались только новыя попытки усиленнаго выпуска денегъ, но онѣ въ итогѣ вносили еще больше смуты и безпорядка, не улучшая положенія казны.

Въ довершеніе всего уже съ начала XIX вѣка торговыя суда разныхъ европейскихъ странъ снова начинаютъ попытки завязать торговыя сношенія съ Японіей, а при неудачѣ не стѣсняются даже пускать въ ходъ силу. Съ сѣвера тревожатъ русскіе, владѣнія которыхъ подходятъ къ сѣвернымъ границамъ страны, съ востока американцы, съ юга, главнымъ образомъ, англичане. Еще въ 1805 г. русское посольство съ Рѣзановымъ во главѣ прѣзжало въ Нагасаки и пыталось побудить правительство Японіи вступить въ договорныя отношенія съ Россіей, но попытка эта не привела ни къ чему. Предложеніе Рѣзанова было рѣшительно отклонено. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1806 г. русскій лейтенантъ Хвостовъ съ двумя судами дѣлаетъ рядъ нападений на Сахалинъ и Курильскіе острова, гра-

бить жителей прибрежныхъ селеній, захватываетъ два японскія торговыя судна, забираетъ съ нихъ всѣ цѣнные товары и уводитъ въ плѣнъ нѣсколькихъ японцевъ. Это возбуждаетъ такой страхъ и недовѣріе въ японцахъ, что, когда четыре года спустя къ тѣмъ же берегамъ пристаеъ уже дѣйствительно съ мирными намѣреніями капитанъ Голловинъ, они заманиваютъ его въ ловушку и берутъ въ плѣнъ.

Съ конца сороковыхъ годовъ открытіе нѣкоторыхъ китайскихъ гаваней и начавшаяся въ Калифорніи золотая горячка особенно увеличиваютъ торговое движеніе по Великому океану, отъ американскаго къ азіатскому берегу. Японскіе острова, лежащіе какъ разъ на дорогѣ, представляютъ единственную станцію, необходимую на такомъ длинномъ пути. Попытки остановокъ тамъ происходятъ чуть не ежегодно. Положеніе правительства еще ухудшается. Съ одной стороны, основной законъ имперіи не допускаетъ присутствія иностранцевъ, населеніе относится къ нимъ съ недовѣріемъ, и гильдіи всѣми силами протестуютъ противъ ввоза иностранныхъ товаровъ. Съ другой стороны, оно не имѣетъ силъ помѣшать имъ, такъ какъ у него не хватаетъ средствъ, чтобы улучшить войско и вооруженіе, и, кромѣ того, оно не можетъ разсчитывать на единодушную поддержку могущественныхъ дайміосовъ.

Въ 1853 году происходитъ событіе, заставляющее правительство принять хоть въ этомъ вопросѣ

какое-нибудь окончательное рѣшеніе. 8-го іюля въ бухту Іедо входитъ американская военная эскадра, состоящая изъ четырехъ большихъ судовъ, подъ командой commodore Перри. Она не проявляетъ, впрочемъ, никакихъ воинственныхъ намѣреній. Коммодоръ Перри желаетъ только передать письмо президента Соединенныхъ Штатовъ къ правителю Японіи—шогуну. Сначала ему въ этомъ отказываютъ, такъ какъ иностранцы не имѣютъ права приставать къ японскимъ гаванямъ, и всѣ сношенія съ ними могутъ происходить только при посредствѣ голландцевъ. Но коммодоръ настаиваетъ, и его аргументы—въ видѣ четырехъ военныхъ судовъ—такъ убѣдительны, что не остается ничего другого, какъ принять письмо президента и обѣщать отвѣтъ на него до истеченія года. Коммодоръ Перри удовлетворяется пока этимъ и уходитъ въ Китай.

Письмо президента не заключало въ себѣ ни угрозъ, ни неисполнимыхъ требованій. Въ самой любезной формѣ оно предлагало правителю Японіи вступить въ дружественныя сношенія съ Соединенными Штатами, какъ подобаетъ двумъ сосѣднимъ странамъ. Отъ этого можетъ произойти только обоюдная выгода. Для себя Соединенные Штаты желаютъ лишь дозволенія ихъ судамъ останавливаться въ какихъ-нибудь японскихъ гаваняхъ, чтобы возобновлять запасы угля и прѣсной воды. Пункты будущаго договора предоставляется выработать коммодору Перри, совмѣстно съ уполномоченными японскаго правительства.

Какъ ни были умѣренны желанія американцевъ, для Японіи удовлетвореніе ихъ представляло вопросъ большой важности. Допустить американцевъ въ какія-нибудь другія гавани, кромѣ Дешимы, значило впустить въ страну европейскіе товары, значило подорвать гильдіи, значило пошатнуть весь экономическій строй и, кромѣ того, нарушить всѣ традиции.

Какъ разъ во время обсужденія всѣхъ этихъ вопросовъ, 25-го августа 1853 г. умеръ шогунъ Іеяши. Хотя бюрократическая машина была настолько налажена, что смѣна одного правителя другимъ не представляла событія особенно большой важности, но все-таки водвореніе новаго шогуна было по традиціи связано съ большими расходами, а для казны въ то время даже такое напряжение имѣло значеніе. Шогуномъ былъ провозглашенъ сынъ Іеяши—Іеада.

Вслѣдъ за этимъ въ Нагасаки появилась русская эскадра адмирала Путятина, въ составѣ судовъ которой находился, между прочимъ, и фрегатъ „Паллада“. Путятинъ съ своей стороны предложилъ шогуну установить дружественныя торговыя сношенія съ Россіей. Англійская эскадра, хотя и не входила въ бухты, но крейсировала въ китайскихъ водахъ, и каждый моментъ могла явиться съ подобными же требованіями.

Все это не содѣйствовало спокойному обсужденію важныхъ предложеній президента Соединенныхъ Штатовъ. Хотя иноземныя эскадры и не

имѣли, повидимому, враждебныхъ намѣреній, но едва ли могло быть сомнѣніе, что въ случаѣ отказа онѣ пустятъ въ ходъ силу для подкрѣпленія своихъ желаній. А что могло противопоставить имъ правительство шогунa? Плохо вооруженное войско, внутреннія неурядицы и пустую казну.

13-го февраля 1854 года коммодоръ Перри явился за отвѣтомъ и естественнымъ образомъ правительство безъ дальнѣйшихъ промедленій приступило съ нимъ къ выработкѣ проекта договора, стараясь только по возможности сузить рамки правъ, даваемыхъ вновь иностранцамъ. 31-го марта проектъ былъ выработанъ и посланъ на утвержденіе въ Вашингтонъ. Договоръ состоялъ изъ XII статей, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующему: Японія и Соединенные Штаты вступаютъ въ мирныя, дружественныя сношенія. Японія открываетъ для американскихъ судовъ двѣ гавани—Шимода на восточномъ берегу Ниппона немедленно, и черезъ годъ Хакодате — на Іезо. Въ этихъ гаваняхъ суда могутъ покупать всѣ необходимыя для нихъ запасы, но исключительно черезъ правительственныхъ чиновниковъ. Торговля иностранными товарами будетъ подчинена японскимъ законамъ. Въ Шимодѣ можетъ жить американскій консулъ и агенты. Американцы, живущіе въ обоихъ указанныхъ портахъ, могутъ безпрепятственно выѣзжать за черту ихъ и подлежатъ охранѣ мѣстныхъ законовъ. Договоръ вступаетъ въ силу черезъ 18 мѣсяцевъ по подписаніи.

Немедленно по заключеніи этого договора англійскій, русскій и голландскій адмиралы явились въ Нагасаки просить и для своихъ странъ такихъ же привилегій. Отказать имъ не было ни повода, ни возможности. Напротивъ, пришлось еще къ первымъ двумъ портамъ прибавить третій — Нагасаки.

Какъ только вѣсть о подписаніи договора распространилась, въ странѣ началось сильное волненіе. Многіе дайміосы были рѣшительно противъ допущенія иностранцевъ, другіе, особенно въ южныхъ провинціяхъ Мито, Кошу, Сатсума, Тоза и др., видѣли въ этомъ удобный предлогъ для открытаго возмущенія противъ шогуна. Какъ! Шогунъ принимаетъ такое важное рѣшеніе, нарушающее основные законы, безъ вѣдома страны, безъ вѣдома законнаго монарха. Онъ ведетъ переговоры съ иностранцами отъ своего имени, не давая имъ даже заподозрить, что онъ только уполномоченный, а настоящій монархъ—микадо. По существу во всемъ этомъ не было ничего незаконнаго, такъ какъ по смыслу закона микадо передовѣрялъ всю свою власть шогуну, и тотъ управлялъ страной совершенно самостоятельно, не испрашивая никогда разрѣшенія микадо на отдѣльные акты.

Тѣмъ не менѣе и самъ шогунъ не былъ уже въ такой мѣрѣ, какъ прежде, увѣренъ въ своей силѣ. Чтобъ заглушить неудовольствіе, онъ написалъ микадо письмо, въ которомъ сообщалъ ему о предстоящемъ черезъ 1¹/₂ года открытіи гаваней и

приводилъ ему свои резоны. Микадо сухо отвѣтилъ ему, что онъ можетъ поступать, какъ находитъ нужнымъ, но микадо не одобряетъ его.

Такой отвѣтъ еще болѣе возбудилъ враговъ шогуна, хотя они все еще не рѣшались дѣйствовать силой. Только споры становились все ожесточеннѣе, и лозунгъ „почитай микадо и изгоняй варваровъ“ уже сталъ раздаваться то тутъ, то тамъ. До иностранцевъ тоже достигли отголоски этихъ волненій, и они впервые узнали, что шогуно, котораго они считали полновластнымъ монархомъ, не всѣми въ Японіи признается законнымъ главою правительства. Для нихъ это имѣло большое значеніе, такъ какъ подвергало сомнѣнію заключенные ими договоры. Во всякомъ случаѣ, они рѣшили дѣйствовать, не принимая этого во вниманіе. Въ августѣ 1856 года представитель Соединенныхъ Штатовъ, Гаррисъ явился, какъ было условлено, въ Шимоду. Правительство, хотя и съ большими колебаніями, разрѣшило ему поселиться тамъ, и даже въ слѣдующемъ году шогуно принялъ его въ аудіенціи. Сэръ Гаррисъ понималъ шаткость положенія правительства, видѣлъ враждебное отношеніе къ иностранцамъ двора въ Кіото и торопился какъ можно скорѣе упрочить положеніе американцевъ. Пользуясь слабостью шогуна, онъ добился отъ него заключенія новыхъ торговыхъ договоровъ, по которымъ права иноземныхъ купцовъ были очень расширены. Между прочимъ, имъ предоставлялось право вести торговлю въ Іедо и Осакѣ.

Теперь уже проявились и реальныя послѣдствія открытія портовъ, хлынули иностранныя товары, производя цѣлую революцію въ цѣнахъ и разоряя мѣстныхъ купцовъ и промышленниковъ. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ, и положеніе иностранцевъ стало довольно-таки рискованнымъ. Начались тайныя убійства пріѣзжихъ купцовъ. Правительство шогуна чувствовало всю опасность этого, но не въ силахъ было положить конецъ безпорядкамъ.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ шогуноу Іезада, человѣкъ еще молодой и здоровый, внезапно умеръ. Прямыхъ наслѣдниковъ у него не было, и послѣ долгихъ пререканій среди самого правительства шогуномъ объявленъ былъ одинъ его родственникъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Регентомъ же до его совершеннолѣтія назначенъ былъ Ии-Камонъ-но-Ками, человѣкъ очень энергичный, сразу ставшій главой партіи шогуна. Онъ уже раньше игралъ главную роль при заключеніи вторичнаго договора съ сэромъ Гаррисомъ, и теперь его назначеніе регентомъ показалось въ Кіото прямымъ вызовомъ. Преданные микадо дайміосы собирались въ Кіото и побуждали микадо дѣйствовать рѣшительнѣе и требовать отъ шогуна изгнанія варваровъ. Но правительство зашло слишкомъ далеко, чтобы отступать назадъ, и Ии-но-Ками былъ не такой человѣкъ, чтобы признать себя побѣжденнымъ. 23-го марта 1860 года онъ былъ убитъ фанатическими приверженцами старины въ Іедо, передъ окнами дворца шогуна. Для правительства это было громаднымъ

ударомъ. Его престижъ настолько упалъ, что оно не могло даже наказать его убійцъ, съ триумфомъ понесшихъ его голову въ резиденцію провинціи Мито.

Пользуясь замѣшательствомъ, наступившимъ въ Іедо, микадо самъ назначилъ опекуномъ къ малолѣтнему шогуну одного изъ преданныхъ ему дайміосовъ.

Между Іедо и Кіото водворилось временное перемиріе. Молодой шогуноу былъ привезенъ въ Кіото и представленъ микадо; вслѣдъ затѣмъ его женили на сестрѣ микадо.

Но все это было совсѣмъ не на руку крупнымъ дайміосамъ, которые мечтали вовсе не о примиреніи между микадо и шогуномъ, а о полномъ низложеніи шогуна. Какъ только молодой шогуноу вернулся въ Іедо, между двумя правительствами снова начались недоразумѣнія. Теперь уже въ странѣ, дѣйствительно, господствовало двоевластіе, и никто не могъ разобрать хорошенько, кто можетъ повелѣвать и кто обязанъ повиноваться. Изъ обѣихъ столицъ исходили указы, часто противорѣчивые, иногда взаимно уничтожающіе другъ друга. Снова возобновились нападенія на иностранцевъ. Въ январѣ 1861 г. былъ убитъ секретарь американскаго консульства, въ іюлѣ было совершено открытое нападеніе на англійское консульство. А между тѣмъ, послѣ первыхъ пертурбацій, вызванныхъ появленіемъ иностранныхъ товаровъ, оживленіе торговли стало сказываться и положительнымъ образомъ.

Пустующая казна шогуна быстро наполнялась, благодаря международной торговлѣ, развивавшейся въ его городахъ. Правительство укрѣпилось въ намѣреніи энергично защищать принятое имъ въ отношеніи иностранцевъ рѣшеніе и не обращать вниманіе на неудовольствіе въ Кіото.

Взаимныя отношенія двухъ властей снова обострились.

Въ этотъ моментъ нѣкоторые изъ дайміосовъ, опасаясь новаго усиленія шогуна, рѣшили пустить въ ходъ силу и принудить шогуна къ повиновенію. Въ Кіото съѣхались нѣсколько крупныхъ дайміосовъ, а съ юга изъ Сатсумы тронулось цѣлое войско подъ предводительствомъ Шимадзы. На совѣщаніи въ Кіото рѣшено было послать Шимадзу въ Іедо и требовать отъ шогуна настоятельно изгнанія иностранцевъ. Посольство это не имѣло успѣха, правительство шогуна стояло на своемъ. Но на обратномъ пути Шимадзы случилось обстоятельство, ускорившее развязку запутавшагося узла.

Невдалекѣ отъ Іедо торжественный поѣздъ Шимадзу встрѣтилъ небольшую кавалькаду европейцевъ, катавшихъ въ окрестностяхъ Іокогамы. По японскому этикету всѣ путники, встрѣчающіе поѣздъ дайміоса, должны уступать ему дорогу и сторониться. Англичане, не зная этого, спокойно продолжали путь. Но когда они поравнялись съ паланкиномъ Шимадзы, возмущенные такимъ неуваженіемъ самураи окружили ихъ, размахивая мечами, и одинъ изъ нихъ смертельно ранилъ м-ра Ричард-

сона. Остальные англичане отдѣлились легкими пораненіями и благополучно усаkali въ Іокогаму. Это случилось въ сентябрѣ 1862 г.

Англійское консульство немедленно потребовало отъ правительства удовлетворенія въ видѣ примѣрнаго наказанія виновнаго и денежнаго вознагражденія въ размѣрѣ 100.000 фунт. стерл. отъ правительства и такой же суммы отъ дайміоса Сатсумы. Шогунъ отвѣтилъ, что съ своей стороны онъ уплатить свою долю, но наказать виновнаго и взыскать пеню съ непокорнаго дайміоса онъ не въ состояніи. Послѣ долгихъ переговоровъ англійская эскадра въ составѣ семи военныхъ судовъ направилась къ Сатсумѣ и подвергла бомбардировкѣ резиденцію дайміоса — Кагошиму, на южномъ берегу Кіу-Сіу. Всѣ новые сатсумскіе корабли были захвачены и потоплены. Требуемая деньги послѣ того были немедленно уплачены.

Приблизительно въ это же время въ сѣверной части Кіу-Сіу произошло другое обстоятельство, тоже имѣвшее серьезныя послѣдствія. Еще на сѣздѣ дайміосовъ въ Кіото лѣтомъ 1862 года было рѣшено въ случаѣ неповиновенія шогунa изгнать собственными силами иностранцевъ. Срокомъ для исполненія этого было назначено лѣто 1863 г. Но къ этому времени микадо и большинство дайміосовъ оставили этотъ планъ, находя его во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, и только одинъ дайміосъ провинціи Чоши рѣшилъ за свой страхъ привести его въ исполненіе. Провинція Чоши была

расположена по обѣимъ берегамъ Симоносекскаго пролива, и вотъ, когда 25-го іюня 63 года по Симоносекскому проливу проходилъ небольшой американскій торговый пароходъ, съ берега стали обстрѣливать его изъ пушекъ. Онъ успѣлъ уйти безъ большого вреда. Но черезъ нѣсколько дней то же самое произошло съ французскимъ пароходомъ, а еще черезъ день съ голландскимъ.

Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Іокогамы, оттуда тотчасъ же было послано американское военное судно, чтобы немедленно наказать за оскорбленіе американскаго флага. Къ нему присоединилось французское и голландское военныя суда, и соединенными силами они совершенно уничтожили береговыя укрѣпленія Симоносекскаго пролива и обратили жителей въ бѣгство. Вмѣстѣ съ этимъ иностранные консула потребовали у правительства въ вознагражденіе за убытки громадную сумму въ 3 милліона долларовъ.

Пока переговоры объ этомъ шли въ Іедо, около Кіото разыгрывался новый актъ борьбы. Родъ Чошу рѣшилъ попытаться силою принудить микадо къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ шогунa. Собравъ значительное войско не только изъ своихъ самураевъ, но и изъ бродячихъ рониновъ, дайміосъ Чошу направился къ Кіото. Но въ Іедо своевременно узнали объ этомъ, и ему навстрѣчу были посланы болѣе значительныя военныя силы шогунa и нѣсколько вѣрныхъ ему дайміосовъ. Войска Чоши послѣ жестокой битвы были разбиты

на голову, и бѣглецы скрылись въ своей провинціи. Враги шогунa притихли. Тайные сторонники рода Чоши были по распоряженію шогунa изгнаны изъ Кіото и лишены своихъ званій.

Почти одновременно съ неудачной битвой на сѣверѣ, на югѣ силы Чошу тоже потерпѣли большой уронъ. 5-го сентября 1864 г. соединенная эскадра, состоявшая изъ 9 англійскихъ, 4 голландскихъ, 3 французскихъ и одного американскаго судна, совершенно разгромила Симоносеки и принудила дайміоса пойти на всѣ уступки.

Двойная бомбардировка Симоносеки и Кагошимы показала дайміосамъ южныхъ провинцій все превосходство европейскаго оружія и военнаго строя. Съ этихъ поръ на югѣ началась дѣятельная подготовка къ будущимъ военнымъ дѣйствіямъ противъ шогунa, безъ которыхъ, очевидно, нельзя было обойтись. Шогунъ все еще былъ слишкомъ силенъ, чтобы его можно было низложить однимъ декретомъ микадо. Съ своей стороны недовольные элементы стягивались на югъ, тамъ формировалось войско по новымъ образцамъ, спѣшно закупались и изготовлялись орудія и снаряды. Подготавлилась серьезная междоусобная война.

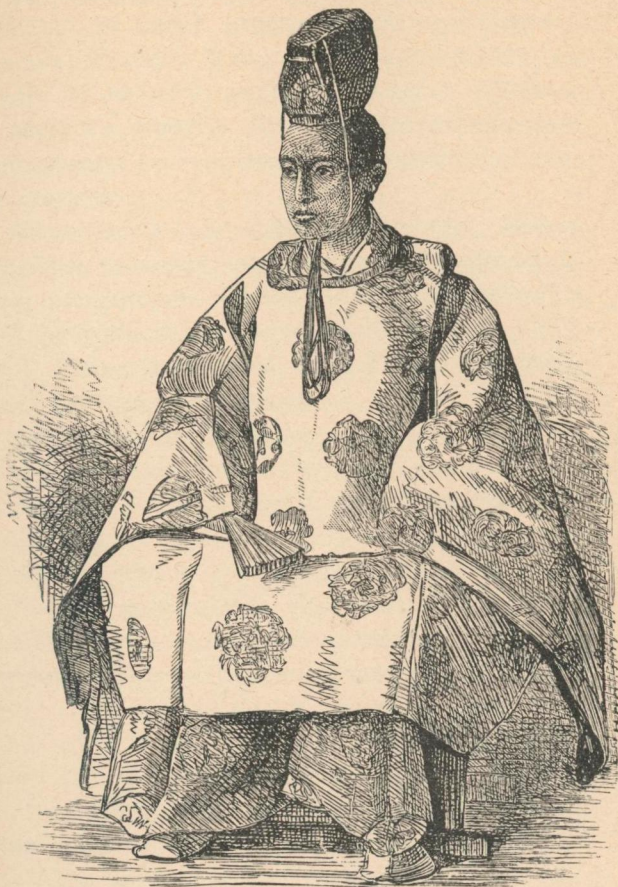
Всѣ эти приготовленія сильно тревожили иностранныхъ представителей. Несмотря на побѣду, одержанную шогуномъ, они чувствовали, что силы его убываютъ, и что недалеко время, когда Кіото можетъ оказаться сильнѣе его. Въ виду этого, они считали необходимымъ добиться санкціи своихъ дого-

воровъ отъ микадо, пользуясь тѣмъ моментомъ, когда шогунъ приобрѣлъ надъ нимъ временный перевѣсъ.

Во главѣ правительства шогуна стоялъ въ это время регентъ Хитсотсубаши, смѣнившій Ии-но-Ками. Хитсотсубаши ясно понималъ всю невозможность нарушить договоры съ иностранцами и сумѣлъ убѣдить микадо не отказывать имъ въ ихъ просьбѣ, такъ какъ иначе ему же придется нести послѣдствія этого. Иностранцы могутъ на править свои силы и противъ Кіото. Микадо, лишенный поддержки своихъ друзей, согласился, и 23-го октября 1866 года далъ, наконецъ, просимую санкцію.

На югѣ, между тѣмъ, уже поднималось возстаніе. Во главѣ его стоялъ Саиго Такамори изъ рода Шимадзы. Посланныя шогунѣ войска терпѣли пораженія, и мятежники, стремившіеся возстановить власть законнаго монарха, подвигались все ближе и ближе къ сѣверу. Весь югъ страны былъ охваченъ жестокой междоусобной войной.

Въ это время, 13-го октября 1866 года, восемнадцатилѣтній шогунъ умеръ такъ же скоропостижно, какъ и его предшественникъ, не назначивъ себѣ никакого наслѣдника. Естественнымъ образомъ выборъ палъ на его родственника Хитсотсубаши, завѣдывавшаго и при жизни его всѣми дѣлами. Микадо одобрилъ этотъ выборъ, и 6-го января 1867 года Хитсотсубаши былъ провозглашенъ шогунѣмъ. Онъ извѣстенъ болѣе подъ китайскимъ именемъ Кеики.

Японія.

Послѣдній шогунъ Токугава Кеики.

Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ умеръ царствовавшій въ то время микадо Коми и на престолъ вступилъ его сынъ Мутсу Гито, царствующій въ Японіи и до сихъ поръ. Въ то время ему было 14 лѣтъ. Ко двору въ Кіото снова съѣхались главные дайміосы въ сопровожденіи лучшихъ изъ своихъ самураевъ.

Долгое время они совѣщались о томъ, какимъ способомъ положить конецъ внутреннимъ безпорядкамъ, разорявшимъ страну и обезсиливавшимъ ее въ виду болѣе сильныхъ враговъ. Наконецъ, дайміосъ Тозы предложилъ сдѣлать послѣднюю попытку окончить дѣло миромъ.

Онъ написалъ длинное и откровенное письмо шогуну, убѣждая его поступиться своею властью для блага страны. „Причина нынѣшнихъ безпорядковъ, — писалъ онъ, — заключается въ томъ, что управленіе исходитъ изъ двухъ центровъ, и очи, и уши страны должны быть обращены въ два противоположныя направленія. Ходъ событій привелъ къ революціи, и старая система не можетъ долѣе существовать. Вы должны вернуть власть въ руки монарха и положить тѣмъ основаніе, стоя на которомъ, Японія можетъ сдѣлаться равной другимъ странамъ“.

Что подѣйствовало въ данномъ случаѣ на Кеики, сознаніе ли безнадежности его положенія, или дѣйствительно желаніе блага родины, или просто личная слабость, но только, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, онъ послѣ нѣкотораго колебанія послалъ микадо свое отреченіе. Онъ заявилъ, что отнынѣ и на-

всегда онъ слагаетъ съ себя званіе шогуна и передаетъ свою власть въ руки микадо. Впредь до установленія новаго управленія страной онъ предлагалъ нести на себѣ всѣ заботы по управленію дѣлами, только уже не въ качествѣ шогуна. Это произошло 19-го ноября 1867 г. Одновременно съ этимъ въ посланіи къ своимъ вассаламъ и приверженцамъ онъ объяснилъ мотивы своего поступка именно тѣми аргументами, которые приводилъ въ своемъ письмѣ дайміосъ Тозы.

Такого же рода объяснительное письмо, онъ послалъ и представителямъ иностранныхъ державъ.

„Я пришелъ къ убѣжденію, — писалъ онъ въ немъ, — что страна не можетъ дольше успѣшно управляться, пока власть будетъ раздѣлена между императоромъ и мною ... Поэтому я, для блага моей страны, извѣстилъ императора, что я отказываюсь отъ власти правителя съ тѣмъ, чтобы созвано было собраніе дайміосовъ, которое рѣшить, какимъ образомъ и кѣмъ должна впредь управляться страна.

„Поступая такъ, я нарушаю свои собственные интересы и отказываюсь отъ власти, унаслѣдованной мною отъ моихъ предковъ, ради болѣе важныхъ интересовъ страны. Въ силу этого я удаляюсь съ поля дѣйствій, вмѣсто того чтобы противопоставить силу силъ ... Что касается того, кто истинный монархъ Японіи, то относительно этого ни у кого въ Японіи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Императоръ есть монархъ.

„Моей цѣлью съ самаго начала было исполнить волю націи. Къ этому же должно стремиться и будущее правительство. Если нація рѣшитъ, что я долженъ отречься отъ власти, я заранѣе готовъ отречься для блага страны . . . У меня нѣтъ никакой цѣли, кромѣ слѣдующей: Честно любя свою страну и народъ, я отказываюсь отъ власти, полученной мною отъ предковъ, имѣя въ виду созвать собраніе высшаго сословія страны, которое должно безпристрастно обсудить вопросъ, и заранѣе рѣшаясь подчиниться мнѣнію большинства о будущемъ устройствѣ правленія“¹.

Въ Кіото отреченіе шогуна произвело громадный эффектъ. Немедленно же были приняты всѣ мѣры, чтобы укрѣпить создавшееся положеніе и не дать шогуноу возможности одуматься.

Дворцовая охрана, находившаяся въ рукахъ преданныхъ шогуноу дайміосовъ, была передана родамъ Сатсумы, Тозы, Овари и Ечизенъ. Родъ Чошу, бывшій въ опалѣ съ 63 г., получилъ амнистію такъ же, какъ и придворные, пострадавшіе одновременно съ нимъ. Званіе шогуна и все правительство шогуна—бакуфу было объявлено несуществующимъ. И, наконецъ, было учреждено временное правительство, состоявшее изъ придворныхъ (куге) и преданныхъ микадо дайміосовъ, вѣдавшихъ съ этого момента всѣ дѣла управленія.

Первымъ же актомъ этого новаго правительства, было заявленіе, обращенное къ микадо. Зая-

¹ „The Nineteenth Century“, 1904 г. July.

вление это очень интересно во многих отношеніяхъ. Во первыхъ, оно показываетъ, со стороны окружавшей престоль группы, ясное представленіе о важности переживаемаго момента. Во вторыхъ, оно въ общихъ чертахъ намѣчаетъ направленіе будущей дѣятельности правительства, и направленіе это оказывается далеко не такимъ враждебнымъ по отношенію къ европейцамъ, какъ можно было ожидать отъ приверженцевъ микадо, зарекомендовавшихъ себя яростными врагами всего иноземнаго. Событія заставили ихъ незамѣтно для самихъ себя діаметрально измѣнить точку зрѣнія. Мы позволимъ себѣ привести наиболѣе характерный отрывокъ этого интереснаго документа.

„... Мы испытываемъ нѣкоторую тревогу, — писали они, — при мысли о томъ, что мы могли бы послѣдовать дурному примѣру китайцевъ, которые однихъ себя считали великими и достойными уваженія, а на иностранцевъ смотрѣли немногимъ лучше чѣмъ на звѣрей, а въ концѣ концовъ стали терпѣть отъ этихъ самыхъ иностранцевъ и должны были подчиниться имъ же.

„Поэтому намъ кажется, послѣ зрѣлаго размышленія, что самая важная задача, предстоящая намъ въ настоящій моментъ, заключается въ томъ, чтобы понять потребности времени и начать великое дѣло реформированія націи. Ввиду этого чрезвычайно важно опредѣлить наше отношеніе къ данному вопросу.

„До сихъ поръ наша имперія держалась въ от-

даленіи отъ другихъ странъ и не имѣла понятія о силахъ внѣшняго міра, мы думали только о томъ, чтобы причинять себѣ какъ можно меньше безпокойства, и въ своемъ попятномъ движеніи мы рисковали быть завоеванными иностранцами.

„Посѣщая иноземныя страны и изучая, что тамъ есть хорошаго, сравнивая ихъ постоянное движеніе впередъ, ихъ разумное управленіе, ихъ прекрасную военную организацію и обезпеченность ихъ населенія съ нашимъ теперешнимъ состояніемъ, мы легко можемъ указать причины благоденствія и упадка...

„Чтобы поднять упавшій престижъ императора и заставить уважать его власть, необходимо принять твердыя рѣшенія и покончить съ узкими и тупоумными понятіями, господствовавшими до сихъ поръ.

„Мы просимъ, чтобы высшіе чины Двора открыли свои глаза и, соединившись съ тѣми, кто стоитъ ниже ихъ, установили отношенія искреннія, простыя и дружескія, и чтобы, исправивъ наши недостатки тѣмъ, что есть лучшаго у иностранцевъ, мы установили на будущее время прочную форму правленія. Мы просимъ ихъ помочь императору принять мудрыя рѣшенія и отдать себѣ отчетъ въ положеніи страны; оставить глупую привычку бранить иностранцевъ собаками, козлами и варварами, измѣнить заимствованныя изъ Китая придворныя церемоніи, допустить иностранныхъ представителей ко двору, какъ дѣлается у всѣхъ народовъ, и опубличовать это къ свѣдѣнію всей страны, чтобы простой народъ зналъ, какъ смотрѣть на этотъ во-

прось. Это наша самая серьезная просьба, представляемая со всей почтительностью и смиреніемъ“¹.

Декретъ объ упраздненіи шогуната былъ подписанъ 3-го января 1868 г. Этотъ день считается поворотнымъ пунктомъ японской исторіи.

15 января былъ изданъ манифестъ, объявляющій во всеобщее свѣдѣніе о возстановленіи въ полномъ объемѣ власти микадо. Вотъ его дословный текстъ:

„Мы возвѣщаемъ симъ государямъ и подданнымъ всѣхъ иноземныхъ странъ, что шогунъ Токугава Кеики отрекся отъ своей правительственной власти, и впредь все управленіе будетъ совершаться подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, и всѣ государственныя дѣла будутъ исполняться именемъ императора, а не шогуна, какъ было до сихъ поръ. Впослѣдствіи будутъ назначены спеціальныя чиновники, чтобы вести сношенія съ иноземными странами. Послы иноземныхъ государствъ должны сообразоваться съ выраженной нами здѣсь волей“².

Въ Японіи съ этого момента считается новая эра, называемая эрою Меиджи (т.-е. эпоха просвѣщеннаго мира). Въ дѣйствительности, новая эра наступила далеко не такъ внезапно, — прошло еще много времени, раньше чѣмъ новое правительство совершенно обезпечило себя извнѣ и окончательно организовалось внутри.

Среди сторонниковъ шогуна вѣсть о его отреченіи вызвала неопишемое смятеніе и негодованіе.

¹ „The Nineteenth Century“ Juli 1904 г.

² Stead, „Japan by the Japanese“, стр. 1.

Они далеко еще не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ, и такой преждевременный отказъ отъ борьбы казался имъ просто трусостью.

Со всѣхъ сторонъ приверженцы шогуна съѣзжались въ Осаку, куда пріѣхалъ и Кеики послѣ своего прощальнаго визита въ Кіото. Всѣми силами они старались возбудить честолюбіе Кеики и убѣдить его вернуть свои права. Въ концѣ концовъ они достигли своего. Кеики далъ имъ разрѣшеніе собрать войска и двинуться вмѣстѣ съ нимъ въ Кіото. Когда въ Кіото узнали объ этомъ, тамъ рѣшили сдѣлать еще одну миролюбивую попытку. Дайміосы Овари и Ечизена были посланы къ бывшему шогуну для переговоровъ. Они предлагали ему пріѣхать въ Кіото одному и занять мѣсто въ формируемомъ правительствѣ. Кеики соглашался, но подъ условіемъ, чтобы молодой микадо удалилъ отъ себя „дурныхъ совѣтниковъ“, т.-е. это значило, чтобы онъ снова изгналъ изъ Кіото преданныхъ ему дайміосовъ и окружилъ себя сторонниками шогуна. На это посланные не могли, конечно, согласиться. Они уѣхали въ Кіото ни съ чѣмъ, и оттуда было послано предписаніе южнымъ провинціямъ послать свои войска для защиты микадо.

Встрѣча враждебныхъ силъ произошла на дорогѣ отъ Осаки къ Кіото. Войска шогуна были гораздо многочисленнѣе, но европейское оружіе и четыре года упражненій въ новыхъ военныхъ пріемахъ склонили перевѣсъ на сторону южанъ. Три дня, съ 27-го по 30-е января 69 г. длилась ожесто-

ченная битва, и, наконецъ, войска шогунa были обращены въ безпорядочное бѣгство. Противники преслѣдовали ихъ до самой Осаки, и тамъ Кеики едва успѣлъ спастись, сѣвъ на корабль. Разбитый и уничтоженный, вернулся онъ въ Іедо. Его первый министръ настаивалъ, чтобы онъ произвелъ надъ собой хара-кири, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, честь дома Токугавы. Но онъ не согласился на это. Тогда его министръ самъ покончилъ съ собой этимъ же способомъ.

Въ Іедо къ бывшему шогуну прибыли посланные микадо самураи Катзу и Окубо. Кеики далъ имъ торжественное обѣщаніе, что не подниметъ больше меча противъ своего законнаго монарха. Съ этихъ поръ онъ удалился въ частную жизнь и не дѣлалъ больше ни одной попытки нарушить внутренній миръ въ своей родинѣ.

Приверженцы его не такъ скоро смирились. Междоусобная война длилась еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но войска шогунa нигдѣ не встрѣчали сочувствія и поддержки, такъ что имъ пришлось, наконецъ, удалиться на Іезо, гдѣ они провозгласили республику. 27-го іюня 69 г. силы ихъ были окончательно разбиты войсками микадо, и республика уничтожена.

3.

Выработка основъ новаго строя.

Съ момента окончательнаго пораженія послѣднихъ сторонниковъ Кеики имя шогунa, больше

Японія.

Императоръ Мутсу Гито.

двухъ вѣковъ наводившее трепетъ на страну, совершенно исчезаетъ изъ японской исторіи. Приверженцы старины еще не разъ пытаются силою остановить могучее теченіе, начавшееся въ Кіото, но они принуждены пользоваться другими лозунгами. Шогунъ умеръ и уже не можетъ воскреснуть.

Шогунъ—вѣнецъ всего крѣпостническаго строя, шогунъ — глава раззорительной бюрократіи, шогунъ—деспотъ, отравившій страну ядомъ шпіонства, конечно, былъ по справедливости ненавистенъ всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ въ Японіи. Для нихъ онъ былъ символомъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ ихъ строя. Пораженіе его было не только торжествомъ враждебныхъ ему дайміосовъ, оно было торжествомъ всѣхъ, страдавшихъ подъ гнетомъ деспотическаго строя, всѣхъ сознавшихъ вредъ его.

Между тѣмъ, въ данный моментъ самое существованіе шогуната въ Японіи оказалось очень выгоднымъ для прогрессивной партіи. Всѣ отрицательныя стороны крѣпостничества и деспотизма были по традиціи связаны съ шогуномъ. Съ именемъ микадо соединялось представленіе о чемъ-то неопредѣленномъ, но благодѣтельномъ. Положимъ, это благо понималось различно различными элементами, ненавидѣвшими шогуна и участвовавшими въ сверженіи его. Но во всякомъ случаѣ съ понятіемъ о микадо не были по традиціи связаны представленія объ исключительныхъ привилегіяхъ однихъ и объ крѣпостническомъ порабоженіи другихъ. Съ какимъ соціально - политическимъ строемъ сольется далѣе

понятіе микадо, зависѣло отъ взаимоотношенія реальныхъ интересовъ общества и отъ сознательной воли группы людей, составлявшихъ въ данный моментъ правительство.

Какъ мы уже не разъ говорили, реальные интересы различныхъ группъ населенія были или казались въ тотъ моментъ далеко не одинаковы. Въ то время какъ эгоистическій интересъ однихъ требовалъ еще большей исключительности и закрѣпленія, для другихъ не только выгодно, но прямо необходимо было уничтоженіе всѣхъ крѣпостническихъ путей и извѣстныхъ гарантій, обеспечивающихъ личности возможность свободнаго развитія своихъ силъ.

Повидимому, эти интересы настолько противоположны, что столкновенія между ними должны были быть неизбѣжны. А между тѣмъ все созиданіе новаго соціально-политическаго строя направляется съ перваго момента въ сторону раскрѣпощенія и гарантій для личности, и противоположныя тенденціи, хотя и прорываются иногда въ формѣ мѣстнаго ропота или даже бунтовъ, ни разу не получаютъ преобладанія. Въ общемъ коренное переустройство общества происходитъ совершенно мирно.

Причина этого заключается въ томъ, что измѣненіе строя въ сторону болѣе прогрессивныхъ началъ удовлетворяло, во-первыхъ, интересамъ громаднаго большинства населенія, а слѣдовательно внутреннимъ интересамъ всей страны; во-вторыхъ, оно обеспечивало единство государства и, слѣдова-

тельно, его цѣлость извнѣ, и, въ-третьихъ, оно соотвѣтствовало взглядамъ и идеаламъ передовой части тогдашняго общества — лучшихъ изъ самураевъ.

Даймюсы начали борьбу съ шогуномъ ради возвращенія своихъ привилегій. Первымъ поводомъ для этой борьбы послужило допущеніе иностранцевъ, которыхъ они боялись, какъ всего новаго, могущаго подорвать основные устои выгоднаго для нихъ строя. Но какъ только они достигаютъ цѣли и свергаютъ шогуна, — событія оказываются сильнѣе ихъ, и движеніе развивается въ направленіи прямо противоположномъ тому, о какомъ они мечтали вначалѣ.

Паденіе шогуна касалось не ихъ однихъ. Все, что было лучшаго въ странѣ, радовалось и ликovalo вмѣстѣ съ ними. Пали ненавистныя оковы, связывавшія свободную мысль, и она неудержимой волной хлынула впередъ. Все, что запрещалось и преслѣдовалось прежнимъ строемъ, теперь естественнымъ образомъ казалось дозволеннымъ. Всѣ, кто прежде вынуждены были молчать, а послѣднее время съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались въ совершающіяся событія или съ оружіемъ въ рукахъ принимали въ нихъ участіе, теперь заговорили. Переводились и печатались иностранныя сочиненія, издавались собственныя книги, брошюры, писались проекты, возникла первая японская газета. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ обсуждалось значеніе происшедшихъ событій, обсуждался павшій режимъ и высказывались пожеланія относительно

будущаго. Вмѣстѣ съ шогунѣмъ подвергался безпощадной критикѣ и весь созданный имъ строй. Указывалось на вредъ крѣпостного режима, мѣшавшаго свободному развитію производительныхъ силъ страны, указывалось на опасность раздробленія ея на отдѣльныя феодальныя владѣнія съ независимыми владѣтелями во главѣ. Эти мысли и раньше были у многихъ, но только теперь онѣ властно вылились наружу и дѣйствительно охватили всѣхъ лучшихъ людей въ странѣ.

Правительство не имѣло ни силъ, ни желанія положить конецъ этому празднику освобожденной мысли.

Во-первыхъ, ему предстояло немедленно разрѣшить нѣкоторыя настоятельныя задачи, и оно не могло разрѣшить ихъ иначе, какъ въ направленіи, желательномъ для прогрессивной партіи, во-вторыхъ, лучшіе изъ представителей этой партіи съ перваго же момента очутились въ рядахъ новаго правительства и очень скоро заняли въ немъ главныя мѣста.

Временное правительство, учрежденное тотчасъ же по низложеніи шогуна, т.-е. въ январѣ 1868 года, состояло изъ президента, которымъ былъ назначенъ членъ императорской фамиліи принцъ Арисугава, двухъ вице-президентовъ, тоже изъ рода микадо, 4-хъ членовъ отъ придворной знати и 6 членовъ отъ дайміосовъ. Младшими помощниками имъ были назначены самураи: Окуба, Саиго, Кидо, Гото, Хирозава, Ито, Имухе Курода.

Черезъ нѣсколько времени область вѣдѣнія верховнаго совѣта дифференцировалась, изъ него выдѣлились министерства, вѣдавшія каждое особой отраслью управленія. Членами верховнаго совѣта и министрами назначались исключительно дайміосы и придворные, самураи же не могли получать мѣста выше помощниковъ. Но при этомъ одно изъ первыхъ постановленій новаго правительства гласило, что повышенія даются только за заслуги. Къ 1871 году составъ правительства существенно измѣнился, всѣ важнѣйшіе посты были заняты самураями, ни одинъ изъ дайміосовъ не сохранилъ своего первоначальнаго положенія. Одинъ этотъ фактъ достаточно говоритъ за то, на чьей сторонѣ была лучшая подготовка и способности.

Прежде всего новому правительству предстояло урегулировать свои отношенія съ иностранными державами. Пока рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ шогуна, дайміосы съ легкимъ сердцемъ совѣтовали ему прогнать иноземцевъ. Теперь, когда власть перешла въ ихъ руки, они убѣдились, что сдѣлать это не такъ-то легко. Во всякомъ случаѣ, при теперешнемъ состояніи казны и войска и при господствующимъ еще въ странѣ безпорядкамъ объ этомъ и думать было нельзя. Напротивъ, надо было постараться убѣдить иностранныхъ представителей, что новое правительство относится къ нимъ съ полнымъ дружелюбіемъ и готово выполнить всѣ принятыя ранѣе обязательства. Первый манифестъ новаго правительства, приведенный нами выше, уже

подавалъ надежду, что прежнихъ преслѣдованій со стороны правительства микадо иностранцамъ опастся нечего. Но надо было яснѣе проявить свое теперешнее отношеніе къ нимъ. Новое правительство не остановилось передъ этимъ. Смѣло нарушая весь прежній этикетъ и традиціи, оно публично заявило, что молодой микадо приметъ въ аудіенціи консуловъ, и имъ было послано приглашеніе на 23-е марта.

Но если дворъ въ Кіото такъ быстро измѣнилъ свою тактику, то народъ не могъ такъ же скоро отказаться отъ своихъ предубѣжденій. Эта аудіенція сразу нарушала двѣ привычныхъ идеи, — во-первыхъ, что иностранцы — ненавистные варвары, во-вторыхъ, что микадо недоступенъ для простыхъ смертныхъ, а тѣмъ болѣе для варваровъ.

Молодое правительство рѣшило съ перваго момента не давать закабалять себя отжившимъ предразсудкамъ. Аудіенція состоялась, но на пути во дворецъ на англійскаго консула напало нѣсколько фанатиковъ, не причинившихъ ему, къ счастью, серьезнаго вреда. На слѣдующій же день былъ изданъ декретъ, въ которомъ микадо заявлялъ, что всякое нападеніе на иностранцевъ будетъ впредь разсматриваться, какъ оскорбленіе ему, — такъ какъ онъ взялъ ихъ подъ свою отвѣтственность, — и потому будетъ наказываться по всей строгости законовъ.

Принявъ эти первыя неотложныя мѣры, правительство рѣшило, раньше чѣмъ приступить къ необходимымъ реформамъ, узнать мнѣніе страны, или

по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто могъ считать себя участниками въ переворотѣ, т.-е. дайміосовъ. Немедленно же было послано предложеніе всѣмъ дайміосамъ прислать двухъ представителей изъ каждаго хана. 17-го апрѣля 1868 г. микадо является въ верховный совѣтъ и въ присутствіи всѣхъ придворныхъ и временнаго правительства произноситъ клятву передъ богами неба и земли: „искать способныхъ людей, искоренять злоупотребленія, предоставлять каждому безъ различія классовъ устраивать жизнь согласно своему желанію, объединить имперію одними законами и управлять согласно съ общественнымъ мнѣніемъ“¹.

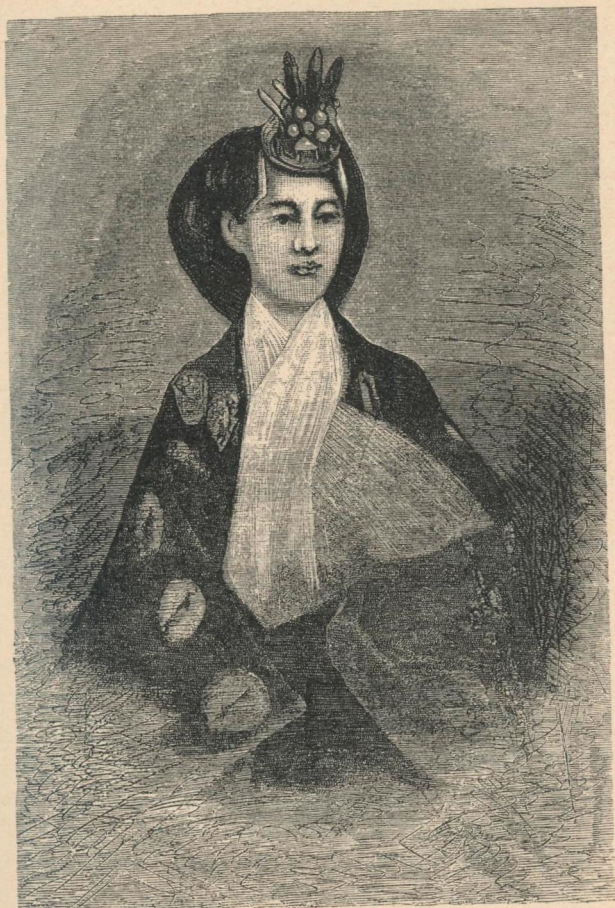
Уже эта клятва при всей своей неопредѣленности давала почувствовать, какими идеями проникнуто новое правительство и въ какомъ направленіи оно намѣрено развивать свою дѣятельность. Несомнѣнно, что имъ руководятъ уже не реакціонные дайміосы, такъ какъ объединеніе страны подъ одними законами и разрѣшеніе всякому устраивать жизнь сообразно своимъ желаніямъ, далеко не соответствовало ихъ интересамъ. Въ то же время возражать противъ этого теперь, когда отъ единства страны зависѣла ея цѣлость и независимость извнѣ, было, конечно, немыслимо.

Но микадо шелъ еще дальше. Наряду съ объединеніемъ страны онъ говорилъ объ управленіи ею согласно съ общественнымъ мнѣніемъ.

¹ Gourant „Okoubo“, стр. 123.

Никакого формальнаго обѣщанія въ этомъ не заключалось. Тѣмъ не менѣе эти слова показываютъ, что рядомъ съ юнымъ микадо съ перваго дня его воцаренія стояли люди, имѣвшіе въ виду болѣе свободное государственное устройство, быть можетъ, еще не принявшее въ ихъ сознаніи вполнѣ конкретной формы. Во главѣ этой опредѣленной прогрессивной партіи внутри самого правительства стоятъ Окубо и Кидо. Оба они люди вполнѣ подготовленные къ той выдающейся роли, которую имъ приходится теперь играть. Они хорошо изучили тяжелое положеніе своей родины и знаютъ, чего ей недостаетъ, оба получили серьезное японское образованіе и оба не чужды западно-европейской цивилизаціи, съ которой успѣли ознакомиться со времени перваго открытія гаваней. Съ Мутсу-Гито они сблизились еще при жизни его отца. Въ то время, когда дайміосы завязали сношенія съ Кіото, они постоянно посылали туда вмѣсто себя своихъ самураевъ, выбирая, конечно, наиболѣе образованныхъ изъ нихъ. Такъ что будущая прогрессивная группа была съ давнихъ поръ въ постоянныхъ отношеніяхъ съ дворомъ микадо и завоевала довѣріе будущаго императора, когда онъ былъ еще мальчикомъ.

Съ перваго момента реставраціи всѣ усилія ихъ и окружающей ихъ группы заключаются въ томъ, чтобы дать своей странѣ такой государственный строй, при которомъ всѣ ея богатые природныя силы могли бы свободно развиваться. Потребность

ЯПОНИЯ.

Императрица Гаруко.

въ этомъ ощущалась уже давно, отъ нихъ зависѣло только, насколько быстро и безболѣзненно совершить страна переходъ отъ старыхъ отжившихъ формъ къ новымъ назрѣвшимъ.

Положеніе этой прогрессивной группы было трудное. Сознательно на ея сторонѣ стояла лишь нѣкоторая наиболѣе просвѣщенная часть самураевъ, изъ которыхъ происходили они сами. Громадная масса населенія, въ интересахъ которой они дѣйствовали, была еще недостаточно сознательна и не могла оказать имъ никакой поддержки. Большинство дайміосовъ и приверженныхъ имъ самураевъ были опредѣленно враждебны имъ. Только юный микадо съ самаго начала сталъ на сторону молодой прогрессивной группы и тѣмъ значительно облегчилъ ея положеніе. Во всякомъ случаѣ имъ предстояла громадная работа и трудная борьба.

Но они приступили къ ней съ глубокой вѣрой въ ея необходимость и съ свѣтлой надеждой на успѣхъ. Ихъ главнымъ союзникомъ была жизнь, доказавшая на дѣлѣ всю необходимость и плодотворность предпринятыхъ ими реформъ. И этотъ союзникъ ни разу не измѣнялъ имъ, несмотря на всѣ частичныя неудачи и разочарованія, постигавшія ихъ.

Первый же шагъ, предпринятый ими навстрѣчу общественному мнѣнію, принесъ имъ жестокое разочарованіе. — 17-го апрѣля было торжественно открыто собраніе дайміосовъ и ихъ представителей для обсужденія важныхъ вопросовъ управленія.

Микадо снова открылъ его рѣчью, въ которой онъ давалъ слѣдующія торжественныя обѣщанія:

„1. Должно быть организовано совѣщательное собраніе, и всѣ мѣры будутъ вырабатываться согласнo съ общественнымъ мнѣніемъ.

„2. Принципы политическаго и соціальнаго строя должны внимательно изучаться какъ высшими, такъ и низшими классами нашего народа.

„3. Каждый членъ общества долженъ пользоваться защитой и помощью въ достиженіи всѣхъ хорошихъ цѣлей.

„4. Всѣ нелѣпыя обычаи прежнихъ временъ должны быть оставлены, и въ основу дѣятельности должна быть положена справедливость и безпристрастіе.

„5. Умъ и способности должны быть привлекаемы со всѣхъ концовъ міра для прочнаго возведенія основъ государства“¹.

Но когда перешли къ обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ, результатъ оказался прямо противоположный выставленнымъ въ рѣчи микадо тезисамъ. При рѣшеніи вопросовъ объ отмѣнѣ разныхъ отжившихъ обычаевъ, въ родѣ ношенія привилегированными классами традиціонныхъ двухъ мечей и т. п., громадное большинство высказалось отрицательно, т.-е. стояло за сохраненіе ихъ. Вообще собраніе, какъ и слѣдовало ожидать по его составу, оказалось не только консервативнымъ, но пря-

¹ D. Murray. „Japan“, 1904 г., стр. 380.

мо реакціоннымъ. Очень скоро оно было распущено, не достигнувъ никакого результата. Черезъ нѣсколько времени оно было созвано вторично при участіи чиновниковъ, но результатъ получился точь-въ-точь такой же.

Въ этомъ, конечно, не было ничего удивительнаго, такъ какъ оба раза совѣщательныя собранія состояли исключительно изъ представителей привилегированныхъ группъ населенія, которымъ вовсе невыгодно было уничтоженіе привилегій, выдѣляющихъ ихъ въ особую касту. Тѣ же классы населенія, которые были по существу наиболѣе заинтересованы въ предположенныхъ правительствомъ реформахъ, не имѣли никакихъ органовъ для заявленія своихъ желаній, и ихъ мнѣніе не могло доходить до правительства.

Прежде чѣмъ спрашивать ихъ мнѣніе, надо было дать имъ возможность сформировать его и способъ высказать его. Сколько бы правительство ни повторяло, что оно будетъ руководствоваться общественнымъ мнѣніемъ и привлекать къ управленію страной умъ и способности изъ всѣхъ классовъ общества, все это должно было остаться пустыми словами, пока общество дѣлилось на благородныхъ и неблагородныхъ, на господъ и рабовъ. До тѣхъ поръ въ странѣ не могло быть свободного общественнаго мнѣнія, пока земледѣлецъ или ремесленникъ долженъ былъ падать ницъ при проходѣ дайміоса, и самурай могъ за малѣйшее оскорбленіе безнаказанно срубить ему голову своимъ благород-

нымъ мечемъ. Прежде надо было уничтожить крѣпостнической строй, одинаково развращавшій и высшихъ, и низшихъ, а потомъ уже призывать общество къ выраженію своего мнѣнія по вопросамъ государственнаго управленія. Необходимѣйшія социальныя реформы должны предшествовать политическимъ. Молодое правительство сейчасъ же почувствовало это и отложило на нѣкоторое время обращенія къ странѣ.

Къ этому времени уже значительная часть перваго состава верховнаго совѣта измѣнилась, дай-мюсы почти всѣ отстранились, хотя и не безъ борьбы, а изъ придворныхъ остались только Ивакура и Санджо. Всѣ остальные были самураи. Но молодежь, окружавшая микадо, чувствовала еще на себѣ гнетъ придворной атмосферы, царившей въ Кіото и мѣшавшей имъ отдѣлаться отъ стѣснительныхъ традицій. Въ началѣ 1869 года Окубо вноситъ смѣлое предложеніе перенести столицу изъ Кіото. Монархъ долженъ стоять лицомъ къ лицу со своимъ народомъ, говоритъ онъ, а здѣсь его отдѣляетъ цѣлая стѣна придворной знати и вѣковыхъ предразсудковъ. Предложеніе это выслушивается вначалѣ съ ужасомъ. Оставить Кіото, гдѣ болѣе тысячи лѣтъ безвыѣздно жилъ микадо, это было равносильно величайшей революціи. Но Мутсу-Гито согласился. Въ Кіото это рѣшеніе произвело сильнѣйшее волненіе. Когда наступилъ день выѣзда, тысячная толпа собралась у дворца и съ рыданіями умоляла монарха не по-

кидать священную землю. Но молодой микадо былъ непоколебимъ. Онъ приказалъ нести свои носилки, не обращая вниманія на фанатиковъ, кидавшихся подъ ноги носильщиковъ. Изъ Кіото Мутсу-Гито отправился въ Осаку, провель тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ посѣтилъ Іедо и снова вернулся въ Кіото, чтобы жениться на принцессѣ Гаруко, нынѣшней императрицѣ Японіи. Послѣ свадьбы онъ окончательно переселился въ Іедо, переименованный съ этого момента въ Токио.

Въ новой обстановкѣ подготовительная работа правительства пошла еще болѣе ускореннымъ темпомъ, не связанная стѣснительными рамками традиціоннаго этикета. Идеи, одушевлявшія кружокъ, работавшій въ Токио, стали все шире распространяться въ странѣ, завоевывая все больше сторонниковъ. Даже среди дайміосовъ многіе стали приходить къ убѣжденію, что время феодализма уже прошло и что имъ не вернуть своихъ прежнихъ привилегій. Въ сущности, въ экономическомъ отношеніи ихъ феодальныя владѣнія уже давно были имъ скорѣе въ тягость. Почти всѣ они были въ долгу у крупныхъ купцовъ и при современномъ положеніи хозяйства не въ силахъ были улучшить положеніе ни свое, ни народное. Кромѣ того, столкновеніе съ европейцами на югѣ показало имъ, до какой степени они безсильны въ одиночку противъ западныхъ государствъ, и убѣдило ихъ въ томъ, что объединеніе страны — первое условіе ея силы и независимости.

Вообще, одушевление, стремление на дѣлѣ послужить родинѣ коснулось и ихъ, по крайней мѣрѣ, лучшихъ изъ нихъ. 5-го мая 1869 года четыре крупныхъ дайміоса Сатсумы, Чоши, Тозы и Хизенъ представили микадо заявленіе, въ которомъ они отказывались отъ всѣхъ феодальныхъ правъ на свои земли и живущее на нихъ населеніе.

Конечно, уничтоженіе остатковъ феодализма вистѣло въ воздухѣ, это былъ первый необходимый шагъ къ свободному развитію страны, но все это не отнимаетъ нравственную цѣнность поступка четырехъ дайміосовъ. Они еще такъ недавно свергли ненавистную власть шогуна, что могли въ извѣстной степени считать себя хозяевами положенія и попытаться воспользоваться этимъ, чтобы хоть на время удержать за собой свои привилегіи. Можетъ быть, это и не удалось бы имъ, но, во всякомъ случаѣ, это поглотило бы много времени и силъ, а, быть можетъ, и много крови. Ихъ великодушный порывъ избавилъ страну отъ многихъ бѣдствій.

Примѣръ самыхъ могущественныхъ изъ дайміосовъ подѣйствовалъ заразительно и на остальныхъ. Волна великодушныхъ чувствъ поднялась въ странѣ и заставила принести эгоистическія соображенія въ жертву общему благу. 241 дайміосъ единодушно заявили микадо отказъ отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ. Только 17 человекъ упорно не хотѣли добровольно отказаться отъ своего положенія и ждали, пока ихъ принудили закономъ.

Казалось, что даймюсамъ было легче отказаться отъ своихъ, хотя и не всегда выгодныхъ, но, во всякомъ случаѣ, существенныхъ правъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ привилегій, за сохраненіе которыхъ они такъ упорно стояли на собраніяхъ въ Кіото.

Теперь правительству предстояло урегулировать новый порядокъ вещей въ бывшихъ владѣніяхъ даймюсовъ. Въ теченіе года даймюсы еще оставались на мѣстахъ, управляя дѣлами. Въ это время въ Токио вырабатывался новый порядокъ управленія. 21-го августа 1871 г. правительственнымъ декретомъ всѣ ханы были объявлены уничтоженными, и страна раздѣлена на 75 провинцій или кеновъ, съ правительственными чиновниками во главѣ. Даймюсамъ правительство обязалось въ вознагражденіе за понесенные ими убытки выплачивать около $\frac{1}{10}$ части ихъ прежнихъ доходовъ. Впослѣдствіи эта рента капитализуется, и имъ предлагается сначала добровольно, а потомъ и принудительно получить вмѣсто пожизненной ренты опредѣленныя суммы единовременно.

Въ томъ же самомъ году былъ изданъ еще рядъ указовъ, освободившихъ общество отъ остатковъ крѣпостничества.

Уничтожены неблагородныя и нечистыя касты, и всѣ занятія признаны одинаковыми. Разрѣшены браки между лицами разныхъ сословій. Уничтожены сословныя привилегіи, и всѣ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Всѣмъ людямъ разрѣшено заниматься какими угодно профессіями, въ томъ числѣ

всѣми отраслями торговли и промышленности. Всѣ привилегіи гильдій, такимъ образомъ, были уничтожены.

Этимъ крупнымъ реформамъ, измѣнившимъ въ корнѣ весь социальный строй, сопутствовалъ рядъ болѣе мелкихъ указовъ, уничтожавшихъ традиціонныя привилегіи высшихъ классовъ, въ родѣ ношенія двухъ мечей, установленныхъ формъ одежды, привѣтствій и т. п.

Весь этотъ рядъ крупныхъ и мелкихъ реформъ произвелъ въ странѣ цѣлую революцію, съ восторгомъ встрѣченную одними и съ глубокимъ неодобреніемъ другими. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ реакціонные элементы на время совсѣмъ стушеваваются. Могучій стихійный освободительный порывъ, разбившій подгнившіе устои прежняго строя, заставилъ ихъ примолкнуть и выжидать событій. Но какъ только жизнь входитъ постепенно въ болѣе спокойное русло, и новые порядки начинаютъ пускать корни въ жизни, такъ они наталкиваются то тутъ, то тамъ на слѣпое недоверіе или даже на прямое сопротивленіе. Къ естественному страху передъ новизной тутъ примѣшивались и экономическія причины. Дайміюсы, согласившіеся на всѣ предложенія правительства подъ вліяніемъ охватившаго ихъ одушевленія, находили теперь, что они заключили очень невыгодную сдѣлку. Обязательный выкупъ ренты на неособенно прибыльныхъ условіяхъ, объявленный въ 1873 г., болѣе всего раздражилъ ихъ. На югѣ опять начинается бро-

женіе, но на этотъ разъ уже не въ пользу микадо, а противъ него, или, лучше сказать, противъ прогрессивнаго большинства правительства. Въ 1874 году вспыхиваетъ возстаніе въ Сагѣ, въ 1876 — въ Чошу, въ 1877 — въ Сатсумѣ. Два послѣднія изъ нихъ отличаются особымъ ожесточеніемъ. Во главѣ ихъ стоятъ прежніе предводители южныхъ войскъ — Шимадзу и Саиго Такамори. Саиго уже давно отдѣлился отъ правительства, не сочувствуя его лихорадочной реформаціонной дѣятельности. Но правительство и особенно его близкій другъ Окубо были увѣрены въ его лойяльности, и Саиго былъ назначенъ главнокомандующимъ части вновь организованныхъ войскъ.

Тяжелымъ ударомъ для Окубы было извѣстіе, что на югѣ снова поднимается реакціонное знамя, и что во главѣ фанатиковъ стоитъ его другъ — Саиго. Противъ него тотчасъ же были посланы императорскія войска подъ предводительствомъ генерала Кавамуры. 24-го сентября 1877 года произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ войско Саиго было разбито на голову. Самъ онъ получилъ тяжелую рану и, чтобы не достаться живымъ въ руки непріятелей, попросилъ одного своего лейтенанта отрубить ему голову.

Силы реакціи были сломлены окончательно. Больше уже она не проявлялась открыто. Только еще одинъ жестокій ударъ нанесла она прогрессивному движенію. Двое фанатическихъ приверженцевъ Саиго рѣшили отмстить правительству за

его смерть. 14-го мая 1878 года въ глухомъ переулкѣ Токіо они напали на Окубо и убили его.

Для прогрессивной группы правительства это была тяжелая потеря, тѣмъ болѣе тяжелая, что незадолго передъ тѣмъ умеръ и другой выдающійся государственный дѣятель — Кидо.

Но направление правительственной дѣятельности было уже твердо опредѣлено, и эти печальныя потери не могли серьезно отозваться на немъ. На смѣну выбывшимъ явились другіе. Одна изъ главныхъ ролей выпала теперь на долю Ито.

Правительству предстояло еще много серьезныхъ задачъ. Оно должно было свести въ систему раздробленное ранѣ судебное законодательство, оно должно было упорядочить податную систему, оно должно было реформировать войско, оно должно было поставить на новыхъ началахъ систему народнаго образованія, и, наконецъ, оно должно было завершить тотъ государственный строй, который оно имѣло въ виду съ перваго момента реставраціи.

Во все продолженіе 70-хъ и 80-хъ годовъ въ Токіо идетъ интенсивная работа, выражающаяся въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ къ упрощенію новаго строя. Вводится всеобщая воинская повинность, вырабатывается новый уголовный кодексъ, вводится система прогрессивнаго подоходнаго налога, вся страна покрывается сѣтью правительственныхъ и частныхъ школъ. Но въ разгарѣ всѣхъ этихъ многообразныхъ работъ молодое правительство

ни на минуту не забываетъ своей основной задачи, выставленной имъ еще въ первой торжественной рѣчи микадо. Оно не забываетъ, что дало обѣщаніе управлять страной согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Постепенно оно развернуло эту неопредѣленную формулу въ опредѣленное намѣреніе передать управленіе страной въ руки народа.

Еще съ 1875 года въ Токио была образована постоянная комиссія для выработки основъ будущей конституціи. Членами этой комиссіи были Окубо, Кидо, Ито и Итагаки. Эта комиссія сразу выработала нѣсколько очень существенныхъ мѣръ. Прежде всего она постановила учредить высшую судебную инстанцію — Шинчъ-инъ и строго провести раздѣленіе судебной и административной власти на всѣхъ ихъ ступеняхъ. Далѣе, она проектировала высшее законодательное учрежденіе — Генро-инъ (сенатъ) и урегулировала сѣзды провинціальныхъ чиновниковъ.

Но самая важная реформа, предложенная ею, касалась мѣстнаго управленія. До тѣхъ поръ все провинціальное управленіе было сосредоточено въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, т.-е. новое правительство опиралось въ сущности на ту же бюрократію, какъ и шогунъ. Теперь рѣшено было ввести въ провинціяхъ выборное самоуправленіе. Въ выборахъ могли принимать участіе всѣ жители провинціи, платившіе не менѣе 5 іенъ налога. Избранные представители населенія составляли

собрание, собиравшееся разъ въ годъ, вотиновавшее годовой бюджетъ провинціи и избиравшее свои постоянные органы для завѣдыванія мѣстными дѣлами. Законъ, утверждавшій это мѣстное самоуправленіе, былъ подписанъ 22-го іюля 1878 года. Съ этого момента мѣстное управленіе стало постепенно реформироваться. Все большее число функцій переходило изъ рукъ правительственныхъ чиновниковъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ избирательныхъ органовъ.

Этотъ законъ былъ крупнымъ шагомъ на пути къ коренной реформѣ центрального управленія. Населеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая его часть, стала привыкать къ идеѣ самоуправления, явились органы, которые хоть до нѣкоторой степени могли служить выразителями общественнаго мнѣнія страны.

А между тѣмъ старыя формы административнаго строя продолжали давить на личность, лишать ее необходимаго права участія въ созидательной работѣ правительства. Въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, особенно среди нарождавшагося промышленнаго класса, появились признаки неудовольствія тѣмъ, что правительство медлитъ осуществить обѣщанную реформу государственнаго строя. Чтобы не осложнять положенія внутренними смутами, правительство успѣшило успокоить страну.

12 октября 1881 года былъ изданъ высочайшій декретъ, торжественно подтвердившій обѣщаніе даровать странѣ конституцію и опредѣлившій сро-

комъ ея введенія 1890 годъ. Текстъ этого декрета представляетъ извѣстный интересъ, вслѣдствіе чего мы приводимъ его буквально:

„Унаслѣдовавъ престолъ, занимаемый нашей династіей болѣе 2.500 лѣтъ, и осуществляя по праву отъ нашего собственнаго имени всю полноту переданной намъ нашими предками власти, мы давно имѣли ввиду постепенно ввести конституціонную форму правленія съ тою цѣлью, чтобы наши преемники на престолѣ руководствовались установленнымъ закономъ.

„Имѣя въ виду именно эту цѣль, мы учредили въ 8-й годъ Меиджи (1876) Сенатъ и въ 11-й годъ Меиджи провинціальныя собранія, положивъ, такимъ образомъ, основанія для главныхъ реформъ; причемъ мы считали, что эти наши дѣйствія должны съ самаго начала убѣдить васъ, нашихъ подданныхъ, въ нашей рѣшимости въ этомъ отношеніи.

„Системы управленія различны въ различныхъ странахъ, но быстрыя и внезапныя измѣненія не могутъ быть произведены безъ большихъ неудобствъ.

„Наши предки въ небесахъ наблюдаютъ за нашими поступками, и мы признаемъ нашу отвѣтственность передъ ними за добросовѣстное исполненіе нашихъ высокихъ обязанностей въ согласіи съ принципами и съ приумноженіемъ славы, завѣщанной намъ ими.

„Потому мы симъ объявляемъ, что въ 23 году Меиджи (1890) мы откроемъ парламентъ, чтобы

осуществить на дѣлѣ объявленное нами рѣшеніе, и мы поручаемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, образующимъ наши комиссіи, сдѣлать въ этотъ срокъ всѣ необходимыя приготовленія для этого.

„Что касается ограниченія императорскихъ прерогативъ и учрежденія парламента, мы рѣшимъ это въ будущемъ и въ должное время объявимъ о томъ.

„Мы усматриваемъ, что народъ нашъ имѣетъ склонность идти впередъ слишкомъ быстро и безъ той обдуманности и осторожности, которыя только одни въ состояніи сдѣлать прогрессъ прочнымъ, и мы предупреждаемъ нашихъ подданныхъ, и высоко и низко стоящихъ, что они должны хорошо помнить нашу волю и, что тѣ, кто будетъ требовать внезапныхъ и рѣзкихъ переворотовъ, нарушающихъ миръ и спокойствіе, вызовутъ наше неудовольствіе“. ¹

Этотъ декретъ ясно показываетъ, что сознаніе необходимости конституціи было уже достаточно распространено въ средѣ интеллигенціи, и правительство считало себя обязаннымъ сдерживать черезчуръ пылкихъ сторонниковъ ея.

Съ этихъ поръ принимался рядъ подготовительныхъ мѣръ для окончательнаго введенія конституціи. Наконецъ, 11-го февраля 1889 года микадо торжественно объявляетъ учрежденіе конституціонной формы правленія и первый присягаетъ въ вѣрности конституціи. Немедленно же назначаются

¹ Stead „Japan by the Japanese“, ст. 4.

общіе выборы, и въ слѣдующемъ 1890 г. открывается первая сессія японскаго парламента.

Этимъ моментомъ заканчивается „эпоха великихъ реформъ“ въ Японіи. Страна окончательно входитъ въ новый фазисъ государственнаго и общественнаго развитія.

Мы перейдемъ далѣе къ характеристикѣ тѣхъ формъ, въ какія вылилась при новыхъ условіяхъ ея социальная и политическая жизнь. Конечно, онѣ еще не могли до сихъ поръ установиться окончательно и въ новыхъ учрежденіяхъ практика показала много существенныхъ недочетовъ, но это нисколько не уменьшаетъ значенія того, что уже сдѣлано. Отъ прежняго рабства, проникавшаго во времена владычества шогунуовъ съ верху до низу всю жизнь, теперь не осталось и слѣда. Величайшій переворотъ, — отъ рабства къ свободѣ, — произошелъ тамъ въ теченіе жизни одного поколѣнія и съ минимальнымъ количествомъ жертвъ. Чрезвычайно благопріятнымъ условіемъ, облегчившимъ для Японіи этотъ, обыкновенно такой трудный переворотъ, было существовавшее тамъ прежде двоевластіе. Благодаря ему, представитель абсолютной власти не считался законнымъ монархомъ, а законный монархъ не былъ носителемъ реальной власти. Такимъ образомъ, можно было свергнуть реальнаго монарха—шогуна, не разрушая монархической легенды, и ограничить монархическую власть подъ видомъ возстановленія правъ законнаго монарха.